

Иванова А.А.¹, Россинская А.Н.² «Я очень сильно маму люблю»: потребности и препятствия в межпоколенном диалоге детей и родителей
Ivanova A.A.¹, Rossinskaya A.A.² «I Love My Mommy So Much»: Needs and Obstacles in Child-Parent Intergenerational Dialogue

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

В статье представлены результаты исследования особенностей детско-родительского общения, которое проводилось с целью выявления проблем в коммуникации, препятствующих нормальному межпоколенному диалогу между родителями и их взрослыми детьми (18–32 года). Сбор материала осуществлялся посредством глубинного феноменологического интервью, посвященного общению с родителями в подростковом и взрослом возрасте. Качественный анализ интервью методом конденсации смыслов позволил выделить три ключевых категории смыслов: потребности детей, препятствия для их реализации и стратегии, позволяющие преодолеть их. Было установлено, что потребность детей к сепарации по достижении подросткового и взрослого возраста противоположена потребности родителей в удержании контроля над ребенком. При этом у взрослых детей продолжает сохраняться потребность во внимании со стороны родителей, которая часто не реализуется вследствие недостаточно развитой коммуникативной компетенции у родителей и отсутствия интереса родителей к ребенку. В центре этого конфликта потребностей фиксируется феномен отсутствия общего языка для общения между поколениями в семье, что усугубляется принадлежностью родителей к другому поколению не только в возрастном, но и в историческом аспекте. Отдельную проблему в межпоколенном диалоге составляет отстраненный характер общения с отцом. Было также выяснено, что для преодоления препятствий к нормальному общению дети вырабатывают следующие коммуникативные стратегии: стратегии самозащиты, стратегии заботы о родителях и стратегии установления контакта. В заключение обсуждается необходимость создания возможностей для безопасного общения детей и родителей как в городских пространствах и «третьих местах», так и в формате отдельных событий.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, межпоколенное общение, коммуникативные потребности, коммуникативные умения, стратегии общения, родители

Введение

Межпоколенное общение в семье неоднократно становилось предметом изучения психологов и социологов [Williams, Nussbaum, 2013; Мигунова, 2016; Шатилов, 2019; Сапоровская, 2020; Абу-Талеб, 2021]. Как отмечают исследователи, именно образ взрослого может стать для молодых людей ресурсом, помогающим преодолеть жизненные трудности [Вдовина, 2010]. Однако достаточно часто коммуникация между родителями и детьми протекает проблемно и может осмысляться в качестве так называемого «затрудненного общения» [Лабунская, 2001]. В таком случае на пути стабильного контакта встают многочисленные барьеры межпоколенной коммуникации – препятствия, мешающие поколениям находить точки контакта и взаимопонимания, эффективно, ненасильственно, лояльно коммуницировать между собой [Абу-Талеб, 2021].

Исследователи успешно выделили несколько причин неизбежности возникающего напряжения между «отцами» и «детьми». Первое место среди них занимает несовпадение ценностных ориентаций и смыслов, в последнее время вызванное также ускорением научно-технического прогресса [Мид, 1988]. Большой вклад в нарастание конфликтной ситуации вносит и сама психологическая структура взаимоотношения поколений, внутри которых выделяются позиции «ребенка», «родителя» и «прародителя», осмысляющиеся как «другие» или «чужие» по отношению к той группе, к которой принадлежит сам человек [Крюкова, 2008]. Способствовать конфликту может также специфика восприятия и понимания особенностей детско-родительских отношений [Сапоровская, 2014]. К примеру, в то время как родитель может видеть гиперопеку в качестве конструктивного способа заботы о безопасности ребенка, последний, напротив, может негативно воспринимать появляющиеся в связи с этим ограничения свободы [Сапоровская, 2020]. Еще одним препятствием для межпоколенного общения может стать так называемая активизация стереотипов [Hummert, 2004]. Во время общения оказываются задействованы стереотипические представления более взрослого поколения о молодых людях, которые могут формировать их негативный образ в глазах родителей. В то же время и дети, и подростки склонны воспроизводить предрассудки в отношении взрослых и тем более пожилых людей, что аналогичным образом не способствует взаимопониманию [Hummert, 2004].

Однако эти результаты чаще всего выявлялись на группе младших школьников или подростков и опирались на мировоззрение участников межпоколенческого конфликта – родителей или детей [Williams, Nussbaum, 2013; Певзнер, 2015; Марцинковская, Полева, 2017]. Тем не менее в таком возрасте дети не всегда способны проанализировать характер своих взаимоотношений

с родителями, а также часто оказываются подвержены эмоциональным переживаниям по поводу этого общения в напряженный подростковый период взросления. Поэтому в своем исследовании, посвященном выявлению препятствий в общении между детьми и родителями, мы решили обратиться к молодым взрослым, для которых подростковый возраст закончился сравнительно недавно.

Молодые взрослые или люди, вступающие в период зарождающейся взрослости, как отдельная категория были выделены американским психологом Дж. Арнеттом [Arnett, 2000]. Он описал несколько характеристик этого состояния, среди которых: изучение собственной идентичности, лабильность, ориентация на себя, чувство неопределенности и переживание новых возможностей. В психологии и других науках постепенно формировался особенный подход для анализа взаимоотношений таких уже формально взрослых детей с их родителями. Значимый вклад внесла так называемая теория индивидуации [Stey et al., 2014], то есть процесса последовательного повышения уровня автономизации ребенка при сохранении у него высокого уровня привязанности к родителям. Исследователи обращали внимание на амбивалентность отношений взрослых детей и их близких, которая характеризуется одновременным переживанием чувств любви и отторжения [Ali et al., 2015]. Психологи и социологи стараются в своих работах выявить основные особенности взаимоотношений родителей и взрослых детей, обращая особое внимание на протекание процесса сепарации и изменения привязанности [Егоров, Шаповаленко, 2017], а также специфичные причины для конфликтов, свойственные для такой конфигурации участников коммуникации [Clarke, 1999].

Однако не так часто молодые люди выступают для исследователя в качестве источника информации о препятствиях и коммуникативных барьерах в семье, существовавших между родителями и еще не повзрослевшими детьми. При этом молодые взрослые, с одной стороны, имеют еще достаточно подробные воспоминания о своем общении с родителями в детстве, но, с другой стороны, они уже способны посмотреть на этот опыт с определенной дистанции и проанализировать его, а также описать с учетом изменений от подросткового до взрослого возраста. Более того, этот опыт уже успел интегрироваться в их автобиографическую память [Comblain, 2005].

В России, в связи с особенностями семейного уклада, экономическими и социальными факторами, качественное межпоколенное общение с родителями актуально не только для детей и подростков до 18 лет, но и для детей взрослого возраста [Синявская, Гладникова, 2007]. При

этом причинами конфликтов между выросшими детьми и их родителями могут быть проблемы, зародившиеся еще в подростковом возрасте детей. Следовательно, необходимо установить, каковы коммуникативные потребности детей в отношении родителей и какие препятствия мешают их реализации.

Проблема исследования

Таким образом, основная проблема исследования заключается в недостатке понимания основных причин, препятствующих выстраиванию межпоколенного общения между родителями и их взрослыми детьми. Ключевой вопрос исследования может быть сформулирован следующим образом: какие препятствия мешают построению межпоколенного диалога между родителями и их детьми. Несмотря на то, что эти причины могут характеризоваться в существующей литературе [Williams, Nussbaum, 2013; Любичкая, Шакарова, 2018], чаще всего они описываются с позиции осмысления ребенком, но не взрослыми детьми, обдумавшими свой опыт коммуникации с родителями в детском и подростковом возрасте.

Процедура и методика исследования

Выборка

В исследовании приняли участие две группы респондентов. Основным критерием их отбора был возраст от 18 до 32 лет. Первая группа из 10 человек была набрана из участников образовательного проекта «Летняя школа» в августе 2022 года. Вторую группу респондентов из 10 человек составили сотрудники российских IT-компаний, в рабочих чатах которых в январе 2023 года было опубликовано приглашение принять участие в исследовании. Всего в исследовании приняли участие 20 человек от 18 до 32 лет. Средний возраст составил 23,75, медианный возраст – 23. Из них женский пол у 12 человек, мужской – у 8 человек. 18 респондентов живут в Москве, двое – переехали в другую страну из Москвы не ранее чем за год до проведения исследования. 8 респондентов учатся в учреждениях высшего и среднего профессионального образования, 12 человек основной своей деятельностью назвали работу. Большинство респондентов, принявших участие в исследовании, воспитывались в полных семьях на момент переживания подросткового возраста.

Процедура

Первая группа респондентов участвовала в интервью в рамках пространства «Летней школы». Приглашения к участию были сделаны в устной форме, а набор респондентов происходил с

помощью электронной таблицы, где желающие могли оставить свои координаты, подтвердить свой возраст старше 18 лет и согласие участвовать в исследовании. Интервью проводились в дневное и вечернее время, свободное от учебных занятий. Вторая группа респондентов рекрутировалась с помощью специализированных IT-чатов, в которых активно общаются профессионалы в соответствующей сфере. В этих чатах была распространена форма регистрации. После отклика на приглашение исследователь связывался с респондентом с помощью мессенджера и предлагал пройти интервью в дистанционном формате. Интервью проводились в дневное и вечернее время по видеосвязи. Во всех беседах было получено информированное согласие респондента на запись, транскрибирование и последующее использование в научно-исследовательских целях содержания интервью.

Методика исследования

Для проведения исследования был выбран метод полуструктурированного интервью – качественного сбора информации, направленного на получение глубоко личных сведений об ощущениях респондентов, их ассоциациях и представлениях, мотивах и т.д. [Мартьянова, 2018].

Перед проведением исследования была создана основа полуструктурированного интервью – «гайд», по которому интервьюер задавал вопросы (см. Приложение). Он был разделен на два тематических блока, выполняющих различные задачи:

1. Информация о респонденте и его семье. Общие вопросы о семейных взаимоотношениях респондента, контакте с родителями («Расскажите о ваших отношениях с родителями. Как бы вы описали ваши отношения с родителями? С кем из родителей вы общаетесь? Общаетесь ли с кем-то из родителей больше? Меньше?»).
2. Темы и характер общения с родителями. Уточнение о мыслях, эмоциях и переживаниях респондента во время общения с мамой или папой («Есть ли у вас трудности в общении с родителями? Если да, то какие? Из-за чего они возникают?» «Что бы вы хотели рассказать родителям о себе, но не получается? С чем это связано?»).

Интервью проводились исследователем в формате личной беседы или в онлайн-пространстве с помощью программы видеосвязи, имели среднюю длительность около 50 минут. Отдельное внимание уделялось резюмированию слов респондента после каждого блока вопросов, что позволяло получить уточнение от участника исследования и повысить точность сказанных слов.

Методы анализа данных

Материал интервью был проанализирован с помощью феноменологического анализа, предполагающего выделение кластеров тем с последующей конденсацией смыслов. Феноменологический анализ, как утверждает А.А. Пузырей [Пузырей, 1997], позволяет тексту, а через него и самому его автору – респонденту, заговорить самостоятельно, без интерпретаций и трактовок со стороны исследователя, которые изменяли бы его смысл. Благодаря этому удается достичь сохранения смыслов, вкладываемых респондентами в собственные высказывания.

Работа с расшифрованными интервью включала в себя несколько этапов. В течение первого этапа исследователи знакомились с полным текстом интервью и составляли целостное представление о том, на какие темы высказывался респондент и что он пытался донести до интервьюера. После этого исследователь последовательно анализировал каждое высказывание респондента и выделял смысловые единицы – утверждения респондента, содержащие основную идею его высказывания [Бусыгина, 2009].

На втором этапе анализа были выделены две глобальные темы, которых касались высказывания респондентов. Они получили в работе названия «потребности» и «препятствия». Под потребностью понимается ощущение нужды, которая требует удовлетворения. «Препятствия» же включали в себя какие-либо преграды и сложности, которые не позволяют в полной мере удовлетворить потребность в отношениях с родителями.

После этого в ходе анализа каждая смысловая единица, вычленяемая исследователями, определялась как характеристика «потребности» или «препятствия», в зависимости от ее содержания и значения для респондента. Смысловая единица представляла собой конкретное слово или словосочетание, обозначающее тему рассуждений респондента. В результате была составлена таблица, содержащая смысловые единицы отдельного интервью, разделенные по двум основным сюжетам (см. табл. 1).

Таблица 1

Пример выделения смысловых единиц в одном интервью

Интервью	Потребности	Препятствия
В: Скажи, пожалуйста, как вы общаетесь с родителями?		

<p>Как часто? Каким образом? Когда ты живешь в Москве, как вы общаетесь?</p>		
<p>О: Мы общаемся по телефону, мне периодически звонит мама, и я ей периодически звоню. Причём иногда я ей звоню, и потом я не знаю, что мне нужно сказать, потому что будто бы я хотел поговорить, а потом я типа думаю, а что сказать и зачем. И это выходит очень странный разговор, минутный, когда я говорю: «Привет, как дела? Окей, все хорошо?», а потом говорю: «Окей, пока». Как будто бы не состоялся тот разговор, который я хотел. Ну вот. По телефону или в телеграмме.</p>	<p>Желание общаться с родителями.</p> <p><i>«Я периодически ей звоню. Причём иногда я ей звоню, и потом я не знаю, что мне нужно сказать, потому что будто бы я хотел поговорить, а потом я типа думаю, а что сказать и зачем».</i></p>	<p>Ребенок не знает о чем общаться с родителями.</p> <p><i>«Я периодически ей звоню. Причём иногда я ей звоню и потом я не знаю, что мне нужно сказать, потому что будто бы я хотел поговорить, а потом я типа думаю, а что сказать и зачем».</i></p>
<p>В: То есть переписываетесь? А как регулярно вы переписываетесь?</p>		
<p>О: Ну, я не знаю – это такой растянутый во времени диалог, длящийся бесконечно, потому что она что-то может у меня спросить, я могу что-то спросить, но это какие-то скорее бытовые вопросы. Мама не любит особенно пользоваться текстом, вернее, она звонит в первую очередь, а потом уже пишет. Казалось бы, нужно</p>		<p>Неумение родителей пользоваться средствами коммуникации так, как кажется правильным ребенку.</p> <p><i>«Мама не любит особенно пользоваться текстом, вернее, она звонит в первую очередь, а потом уже пишет. Казалось бы, нужно наоборот делать».</i></p>

<p>наоборот делать. Да по телефону с папой я тоже периодически общаюсь, но с мамой больше.</p>		
<p>В: А как ты думаешь, с чем связано, что с мамой больше?</p>		
<p>О: Ну, связано с тем, что у нас с папой, наверное, немного не такие доверительные отношения, с ним сложнее общаться мне, хотя иногда у меня бывают ещё состояния, что мне хочется ему позвонить, я ему звоню и долго довольно с ним общаюсь, но это происходит реже. Ну то есть он еще не особо интересуется моей жизнью, спрашивает, как дела, и спрашивает «че такое, что поел», и я рад не отвечать на такие вопросы, потому что они довольно странные. Ну иногда я с ним общаюсь по делам каким-то, может быть ему что-то нужно от меня, там, не знаю, в фотошопе сделать или еще что-то. Или я его могу что-то спросить о каком-то деле, в котором он мне может помочь. Но это происходит реже, еще, наверное, потому что он занят работой вечером, а я обычно вечером разговариваю по таким вещам. Вот, и он заканчивает</p>	<p>Желание общаться с папой.</p> <p><i>«У нас с папой, наверное, немного не такие доверительные отношения, с ним сложнее общаться мне, хотя иногда у меня бывают ещё состояния, что мне хочется ему позвонить, я ему звоню и долго довольно с ним общаюсь, но это происходит реже».</i></p>	<p>Папа не интересуется жизнью ребенка.</p> <p>Папа занят работой.</p> <p><i>«Ну то есть он еще не особо интересуется моей жизнью, спрашивает, как дела, и спрашивает «че такое, что поел», и я рад не отвечать на такие вопросы, потому что они довольно странные. ... еще, наверное, потому что он занят работой вечером, а я обычно вечером разговариваю по таким вещам. Вот, и он заканчивает поздно. И он мне сам первый редко звонит. Это обычно я делаю».</i></p> <p>Инструментальное общение с папой.</p> <p><i>«Ну иногда я с ним общаюсь по делам каким-то, может быть ему что-то нужно от меня, там, не знаю, в фотошопе сделать или еще что-то. Или я его могу что-то</i></p>

поздно. И он мне сам первый редко звонит. Это обычно я делаю.		<i>спросить о каком-то деле, в котором он мне может помочь».</i>
---	--	--

После выделения смысловых единиц из каждого интервью исследователи производили общую «конденсацию смыслов» для каждого из сюжетов: выделяли смысловые единицы, встречающиеся в нескольких интервью, и генерализировали до общего значения. В результате были сформированы темы, которые представлены на рис. 1.

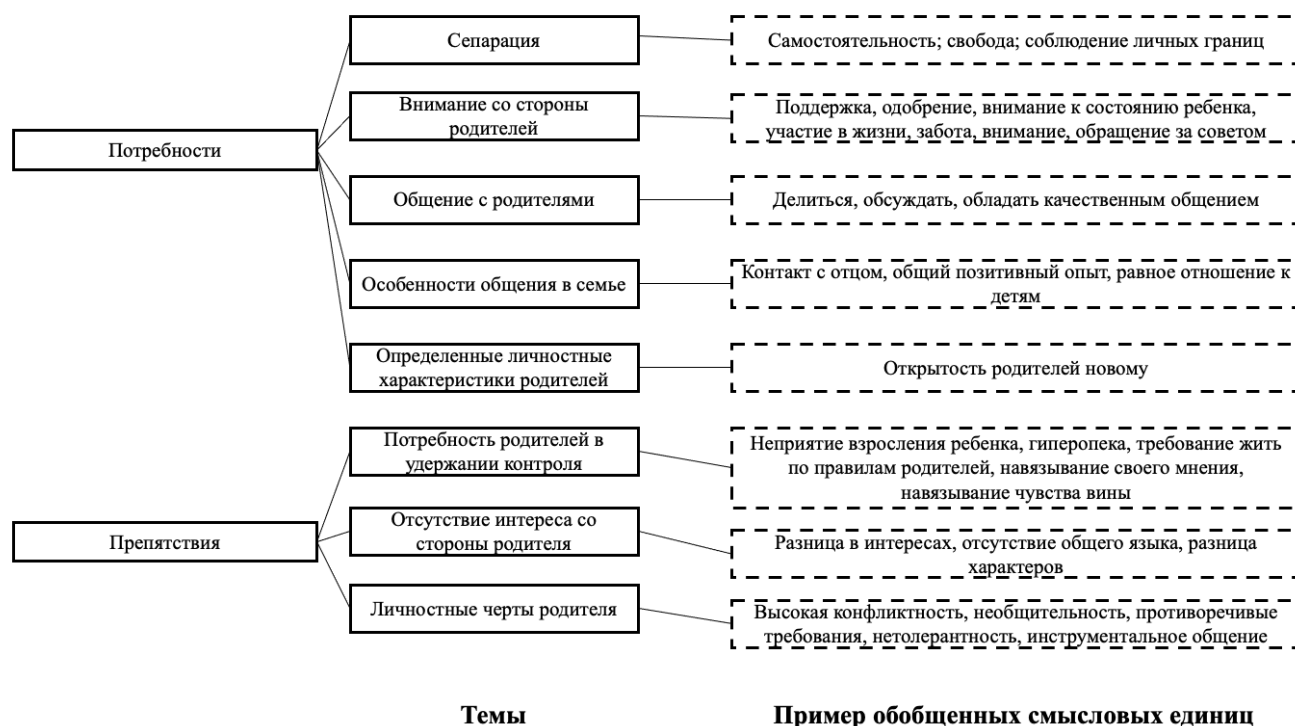

Рис. 1. Пример обобщённых тем и входящих в них смысловых единиц.

С каждым интервью последовательно работали два исследователя: каждый из них выделял собственные смысловые единицы, найденные в материале. После этого авторами была проведена критическая оценка и триангуляция выделенных смысловых единиц, что позволило достичь согласованности в позициях исследователей и однозначности в понимании фрагментов нарративов. В итоге выделения смысловых единиц они были согласованы и обобщены в систему.

В ходе анализа были выделены существующие между препятствиями и потребностями конфликты, то есть ситуации, которые заключаются либо в невозможности одновременной реализации потребностей родителей и ребенка, либо в невозможности удовлетворения одной из

потребностей из-за доминирующего препятствия.

В результате работы с интервью и конденсацией смыслов было установлено, что в нарративах (т.е. рассказах) респондентов встречаются и темы, не осмысляемые ими как «препятствия» или «потребности», но выступающие для них своего рода стратегиями преодоления возникающих коммуникативных сложностей. Для их фиксации они также были обобщены и стали дополнением полученной в результате конденсации смыслов картины (см. рис. 2).

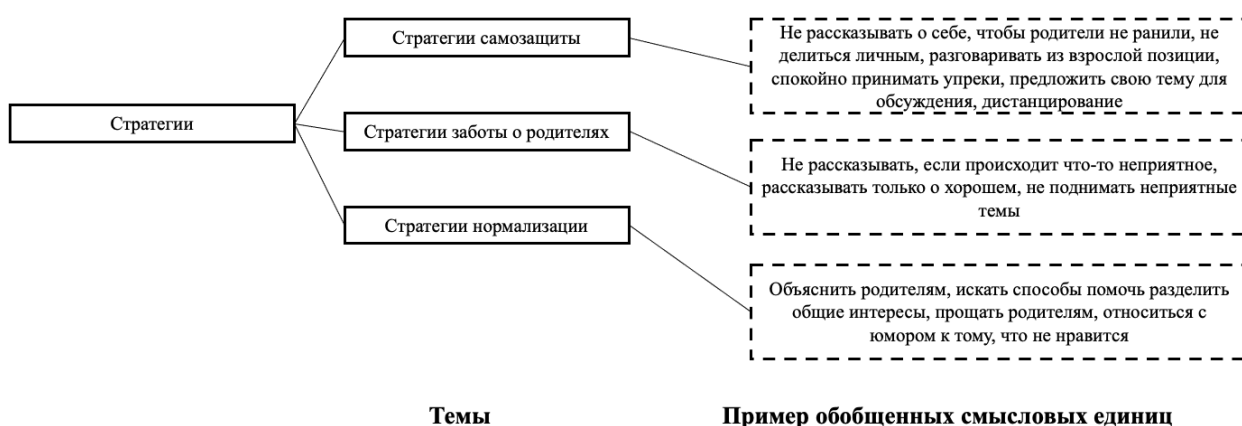

Рис. 2. Выделенные в нарративах стратегии.

Для иллюстрации содержания темы конкретными цитатами была создана таблица, соотносящая темы и высказывания (см. табл. 2).

Таблица 2

Пример обобщения темы с примерами высказываний

Обобщенная тема	Высказывания
Контроль со стороны родителей	«... например, если я так, ну скажем, иду там, например, выпивать с друзьями, всё равно, то есть мне там мама говорит, что вот этого делай меньше. Плюс злится, если я там слишком долго засиживаюсь».
Навязывание чувства вины	«И эта обида, она была очень травматична, например, для меня, потому что я прямо вот не могла выносить, что кто-то там обижается, не разговаривает со мной по неделе».

Важно отметить существенное ограничение полученных категорий. Так как респондентами в

исследовании выступили молодые люди, вспоминающие о своих взаимоотношениях с родителями, выделение потребностей и препятствий для их реализации осуществлялось со слов взрослых детей. В связи с этим представленные результаты отражают субъективное представление о препятствиях и потребностях и могут отличаться от того, как именно концептуализировали бы их родители. В будущем результаты исследования могут быть дополнены анализом нарративов взрослых, сообщающих о своем восприятии взаимоотношений с детьми-подростками и, после, уже с повзрослевшими детьми.

Также ограничением исследования можно считать характер выборки: в нее вошли молодые люди, чаще всего проживавшие период взросления в полной семье. Результаты для респондентов, которые воспитывались бы в семье иного типа или переживали бы такие события как развод родителей или утрату родителя в детском возрасте, могут существенно отличаться от результатов, полученных в ходе исследования. Стоит учитывать и такую специфику выборки как уровень образования и территория проживания. В исследовании не отражена специфика взаимодействия родителей и детей в регионах России, в то время как в некоторых частях страны принципы общения поколений могут отличаться из-за принятых там культурных норм. Важно отметить и то, что практически все респонденты, принявшие участие в исследовании, либо находятся в процессе получения высшего образования, либо уже его получили.

Результаты

В результате анализа интервью посредством метода конденсации смыслов нами было выделено несколько значимых смысловых категорий, которые отражают взаимосвязь между потребностями ребенка и потребностями родителей в детско-родительских отношениях. Было выявлено три типа категорий: потребности, препятствия (со стороны детей и родителей) и стратегии, реализуемые участниками исследования в рамках коммуникации для реализации потребностей и преодоления препятствий. Обобщение представлено в таблице 3.

Таблица 3

Обобщение выявленных категорий

	Потребности	Препятствия	Стратегии
--	--------------------	--------------------	------------------

Категории	1. Потребность ребенка в сепарации. 2. Потребность ребенка во внимании. 3. Потребность ребенка в общении.	1. Отсутствие интереса к ребенку. 2. Потребность родителя в сохранении контроля. 3. Личностные черты родителей. 4. Особенности общения отцов с детьми.	1. Стремление ребенка защитить себя. 2. Стремление ребенка защитить родителей. 3. Стремление ребенка сблизиться.
------------------	---	---	--

Одна из ключевых потребностей ребенка выражается в его потребности в сепарации от родителей – обозначении собственной отдельности и независимости, стремлении четко установить свои границы и границы собственного пространства. Показательными цитатами здесь могут быть: *«Мне как любому подростку в какой-то момент хотелось закрыть дверь в комнату – нормальное, да, желание?»*; *«Мне показалось, что это [самостоятельная жизнь] выведет мою жизнь на какой-то новый уровень ... у меня какие-то потребности с возрастом появляются, то есть и больше личного пространства, и свободы действий»*.

Эта категория включает в себя несколько подкатегорий:

- уединение и личное пространство;
- соблюдение личных границ;
- организация жизни в соответствии со своими особенностями и желаниями;
- самостоятельное определение своей внешности;
- самостоятельное определение своего будущего.

Категория потребности в сепарации оказывалась тесно связана с потребностью уже родителей сохранять контроль и удерживать власть над ребенком, которые обеспечивали бы, с одной стороны, его безопасность, а с другой стороны, компенсировали бы тревогу родителя по поводу неминуемого взросления ребенка. Примерами цитат могут быть: *«Мама [...] до сих пор видит во мне ребёнка, но хочет чтобы я действовала как взрослая»*; *«есть некоторые у мамы такие ну типа как бы я сказала, «проблемы с властью», то есть ей нравится быть такой властной женщиной, и она не могла выпустить что-то из ее контроля»*; *«Возможно, еще у него нет представления того, что я отдельная личность, он считывает меня как ребенка»*.

Эта категория родительских потребностей распадается на такие подкатегории, как:

- сложность с принятием взросления ребенка;
- стремление родителей к проявлению власти;
- требование жить по правилам родителей;
- несоответствие ребенка ожиданиям родителей;
- гиперопека;
- навязывание ребенку чувства вины.

Стремление родителя проконтролировать ребенка может проявляться не только в форме запрета, но и в форме навязчивой поддержки. Очевидно, что оно вступает в конфликт со стремлением ребенка к сепарации и препятствует комфортному общению между детьми и родителями. Например, это выражалось в таких словах: *«я бы сказала, что иногда они были слишком рядом, ... это была немножко удушающая история», «иногда ощущение, что они супергипер-активные, но типа им нужно очень, очень хочется тебе помочь, а ты не готов к их помощи насильственной».*

При этом желание сепарироваться у ребенка может конфликтовать с еще одной его потребностью, выявленной в ходе интервью, а именно: с желанием продолжать получать внимание со стороны родителей. Стоит отметить, что ожидаемое внимание не универсально по своей сути – респонденты различают его интенсивность и включенность родителя, показывая собственное желание в определенном участии родителя в их жизни. Это проявлялось в таких цитатах, как: *«Всё-таки было бы здорово, если бы они перестали, не знаю, как сказать, научились бы больше принимать и интересоваться моими интересами, что звучит на самом деле не очень хорошо от того, что мы не можем заставить других людей любить какие-то вещи».*

Следовательно, здесь, в категории потребности во внимании со стороны родителей, выделяются такие подкатегории, как:

- внимание со стороны родителей;
- забота со стороны родителей;
- желание советоваться с родителями;
- принятие родителями;
- интерес родителей к увлечениям ребенка;
- одобрение родителями;
- поддержка родителями.

Успешной реализации этой потребности может помешать недостаток интереса к ребенку у

родителей. Это может проявляться через такие подкатегории, как неприятие интересов ребенка; отличающиеся интересы ребенка и родителей; различие характеров. При этом значимой причиной недостатка интереса респонденты считают и то, что можно назвать отсутствием общего дискурсивного пространства, то есть буквально возможности говорить «на одном языке». В отдельных высказываниях этот смысл передавался напрямую метафорой невозможности родителя вступить в значимую коммуникацию с ребенком: *«Она хочет что-то сказать, но у нее типа заклеены губы. Она реально не может подобрать слов, во-первых, а во-вторых, она не может это описать так, чтобы это было нормально».*

Отсутствие этого дискурсивного пространства препятствует реализации еще одной значимой выделенной потребности – потребности в общении, которая может быть тесно связана с потребностью во внимании со стороны родителей. Это общение подразумевает желание делиться как важным и сложным, так и повседневным. Также оно включает в себя коммуникацию с родителями на такие темы, как:

- жизненные проблемы;
- планы и решения;
- родительство;
- личная жизнь;
- сексуальность, секс, половое воспитание;
- прошлое семьи и молодость родителей;
- мнение и позиция родителей;
- здоровье, горе, утрата.

Многие из данных тем можно обозначить как тяжелые для обсуждения, в связи с чем отметим, что респондентам не хватало в подростковом возрасте общения с родителями, которое могло, с одной стороны, направить их, а с другой стороны – поддержать в кризисной ситуации или трудных размышлениях. При этом важно, что отсутствие единого дискурсивного пространства в момент говорения на подобные темы может восприниматься наиболее остро, так как язык, на котором об этом говорят, у детей и их родителей может существенно отличаться. В частности, один респондент прямо отметил, что его *«родители просто не знают, как об этом говорить».*

Однако не только отсутствие общего дискурса может препятствовать удовлетворению потребности в общении. В результате конденсации смыслов было установлено, что значимой про-

блемой могут стать и личностные особенности родителей, среди которых респонденты обращали внимание на такие черты и такое поведение родителей, как:

- высокая конфликтность;
- высокая эмоциональность / холодность;
- закрытость новому опыту;
- отсутствие толерантности, неприятие «другого»;
- склонность к обесцениванию, высмеивание ребенка;
- недостаточная развитость коммуникативных умений;
- неприятие родителем личных границ ребенка;
- навязывание ребенку роли опекающего по отношению к родителю.

Отдельно в эту же категорию можно поместить и такую подкатегорию, как «неверные интерпретации слов и действий ребенка», связанную не столько с чертами родителей, сколько с их некомпетентностью в отдельных вопросах.

Обобщение конфликтующих взаимосвязей выявленных потребностей и препятствий к общению представлено на рисунке 3.

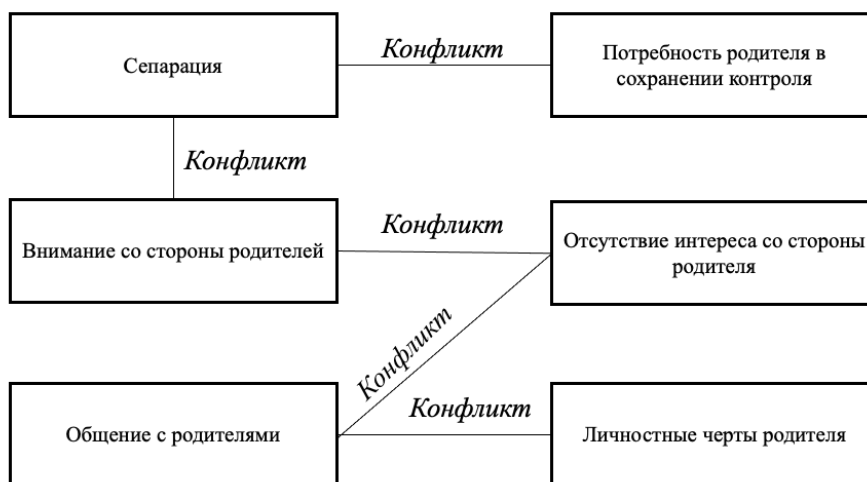

Рис. 3. Обобщение выявленных в нарративах респондентов конфликтов.

Отдельно респонденты отмечают сложность установления связей с отцом, который чаще, чем мать, становится человеком в семье, с которым не удается наладить контакт. Так, отцы чаще фигурируют как обладающие такими личными чертами, как закрытость и необщительность,

отстраненность, авторитарность и категоричность. Это проявляется в описании отцов речевыми формами, обозначающими стремление к отчуждению: «предпочитает одиночество», «закрытый человек», «закрылся в своем мирке», «в какое-то свое хобби уходит», «папы как такового было очень мало», «его удаленность». Описывая отцов и свои отношения с ними, респонденты часто используют глаголы в отрицательной форме: «не любит участвовать», «не присутствовал», «не углубляется», «не интересуется». В качестве полноценного примера цитаты можно привести следующую: *«Просто с папой я бы сказала, что отношений примерно нет. В том плане, что у меня папа не тот человек, который в принципе умеет разговаривать»*. Интересно также отметить, что общение с отцом описывается как более инструментальное и формальное, чем с матерью: *«С папой я общаюсь обычно, когда мне что-то надо», «мы созваниваемся, только если нужна прикладная помощь»*.

Кроме того, в результате анализа интервью были выделены стратегии, к которым прибегают дети для преодоления описанных выше препятствий. Первая группа стратегий, которую мы назвали стратегиями самозащиты, предполагает стремление ребенка выстроить границу между собой и родителями. Это может проявляться, например, в желании не рассказывать родителям о себе, не делиться личным, отказываться обсуждать те или иные темы. Вторая группа стратегий, противоположная первой, подразумевает заботу о родителях в процессе общения. Она может выражаться в стремлении уберечь родителя от травматичного опыта ребенка, скрывать от матери или отца то, что может вызвать у них неприятную или слишком сильную реакцию. Наконец, третья группа стратегий предполагает стремление ребенка сблизиться с родителями, то есть наладить контакт вне зависимости от отсутствия общего дискурсивного пространства со старшими родственниками. В таком случае дети могут пытаться объяснить что-то новое родителям или предложить им разделить какие-то их интересы. Также ребенок может прощать родителя (например, за нарушение личных границ) или относиться с юмором к тому, что его не устраивает или расстраивает в поведении родителей.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило не только выделить коммуникативные потребности детей в общении с родителями и установить то, что является препятствием для их удовлетворения, но и зафиксировать некоторые общие наблюдения об особенностях детско-родительских отношений.

Анализ показал важность разделения опыта общения с отцом и с матерью, необходимость его

рассмотрения по отдельности, так как обобщенные темы категорий «препятствий» и «потребностей» в отношении родителей разного пола отличаются. Функционально общение с отцом часто имеет инструментальный характер, то есть ребенок и отец общаются в основном по необходимости, обращаясь к друг другу за помощью в тех или иных задачах, с которыми не могут справиться самостоятельно. Во взаимодействии с матерью часто реализуется функция интеллектуального общения, например, обсуждение книг, фильмов, взаимные рекомендации и т.д. В целом можно заметить, что потребности реализуются неравномерно с матерью и отцом, что можно объяснить разной степенью их вовлеченности в воспитание детей и даже в общение с уже выросшими детьми, а также распределением функций внутри семьи – мать заботится о быте и воспитании детей, а отец работает.

Более того, обсуждая отстраненность отца в семье, многие респонденты отмечали, что видят одну из причин этого в его занятости на работе, однако в отношении матери таких комментариев не было [Vi, 2018]. Ее роль фактической главы семьи, контролирующей семейный уклад и принимающей решения, совмещая при этом работу и ведение домашнего хозяйства, воспринимается как норма. Это указывает на стремление респондентов рассматривать разделение ролей между родителями по принципу их половой принадлежности как естественное: инструментальная роль отца кажется достаточной причиной для объяснения меньшего количества общения, в то время как экспрессивная роль матери, несмотря на ее возможную нагрузку на работе, становится основанием для ожидания большей включенности, в том числе в общение и внимание к ребенку. Инструментальная роль отца может препятствовать сближению и установлению доверительных отношений, что отмечают и сами респонденты: отцы могут не инициировать общение и взаимодействовать с ребенком только для обеспечения его безопасности или принятия каких-то решений, но не для совместного досуга. Это приводит к тому, что дети не рассматривают отца как партнера по равной коммуникации и не вступают в доверительный контакт с ним, даже если на самом деле испытывают в этом потребность. В отдельных случаях преодолеть отдаленность отца от эмоциональной жизни ребенка не получается, и тогда инструментальная позиция папы становится единственной возможной формой поддержания контакта, а потребность ребенка в близком общении с ним оказывается так и не удовлетворена.

Чтобы справиться с большой физической и эмоциональной нагрузкой, мать часто выстраивает в семье жесткую систему контроля, что, однако, не надо путать со стремлением к власти. Контроль в данном случае представляется возможным рассматривать как стратегию экономии сил и времени. С другой стороны, гиперопека, жесткий контроль и даже некоторая абьюзивность,

то есть насильственный характер общения, по отношению к детям могут объясняться собственным опытом матери, пережившей в детстве травматичный гиперконтролирующий или абьюзивный опыт общения с ее родителями и переносящей его на своих детей. Некоторые исследователи объясняют подобное воспроизведение поведения через существование цикла насилия или треугольника Карпмана [Карпман, 1968; Черняева, Лосевичева, 2018; Татарова, 2021]. Анализ интервью также показал, что сложные жизненные ситуации (развод, смерть близкого человека и др.) могут приводить к кардинальному отказу одного или обоих родителей от контролирующей позиции и к попытке передачи ее ребенку, наделению его функцией опекающего по отношению к самому родителю или к младшим детям.

Интересно также отметить, что среди препятствий, мешающих эффективному общению между поколениями в семье, довольно ясно выделяются препятствия, не только связанные с родителями (неразвитость коммуникативных умений, особенности личности и др.), но и те, что дети видят в себе. Причем часто нежелание или невозможность идти на контакт объясняются травматичным опытом общения с родителями, вследствие чего ребенок вырабатывает стратегию самозащиты в форме регулирования объема, характера и содержания общения. Таким образом, стратегия фактически становится специально созданным препятствием, которое основано на уже имеющемся негативном опыте попыток реализации потребностей.

Поскольку исследование опыта общения с родителями в подростковом возрасте проводилось на молодых взрослых, можно проследить, какие изменения произошли при их переходе во взрослый возраст. В частности, наблюдается бóльшая осознанность в отношении и собственных, и родительских потребностей и личностных особенностей, которая выражается, среди прочего, в попытках объяснить те или иные поступки родителей. При этом, под осознанностью здесь имеется в виду понимание информации о собственных чувствах и состояниях в конкретный момент [Bealer, 1997]. Это можно связать как с объективным взрослением, так и с работой многих респондентов с психологом, о чем они сами говорили в интервью. Результаты работы с психологом также проявлялись в использовании специфической лексики.

Несмотря на то, что в нашем исследовании мы обращали основное внимание на нереализованные потребности детей и препятствия, мешающие их реализации, мы также фиксировали стратегии преодоления коммуникативных сложностей, которые создают позитивный опыт общения. Он реже описывается как постоянный и естественный, а чаще – как выработанный ребенком самостоятельно или совместно с родителем. Обоснованием преодоления сложностей в реализации потребностей становится изменение самого ребенка и его активная позиция в этом:

«я понимаю», «старюсь не раздражаться». Проактивная позиция родителя в урегулировании напряженности проявляется, по словам респондентов, не так часто.

Рассматривая разницу в интересах и отношении к различным событиям между детьми и родителями, стоит отметить, что родители респондентов относятся не только к другому поколению во внутрисемейном аспекте, но и в историческом, поскольку они родились и выросли в Советском Союзе. В связи с этим причинами конфликта поколений становятся различия в ценностях, противоречия между старыми и новыми устоями жизни, быстрый темп изменения контекста и образа жизни и рассогласованность представлений участников конфликта друг о друге как о представителях разных поколений [Мигунова, 2016; Сапоровская, 2020; Шатилов, 2019].

В целом в результате анализа и обобщения интервью со взрослыми детьми об их общении с родителями можно сделать вывод о наличии потребностей в безопасном и доверительном общении как у детей, так и у родителей. Очевидно, что, несмотря на взаимные попытки установить контакт и некоторое количество выработанных стратегий, этого недостаточно для удовлетворения потребностей в межпоколенном общении. Причем недостаточными оказываются и попытки каждой стороны решить проблему самостоятельно, в том числе и путем обращения за психологической помощью. Таким образом, и детям, и родителям необходимы дополнительные условия для создания ситуаций диалога и инструменты его инициирования и поддержания. Такие условия можно создавать в пространствах общения, которые могут пониматься как в физическом, так и в метафорическом смысле [Кондрашова, 2018]. Сами респонденты отмечают необходимость в таких пространствах и практиках. Вспоминая свой самый позитивный опыт общения с родителями, они называют совместные путешествия, походы, просмотр кинофильмов и сериалов, обсуждение книг и пр.

Наиболее подходящими пространствами для межпоколенного общения в физическом смысле представляются так называемые «третьи места» – «неформальные общественные места для встреч» [Ольденбург, 2014, с. 20], которые, по мнению автора концепции «третьих мест» Рэя Ольденбурга, имеют несколько специфических характеристик. Они должны быть максимально нейтральными территориями, где неважен статус посетителей, доступными практически в любое время и удобно расположенными, при этом они должны восприниматься как «дом вдали от дома». Ключевой характеристикой «третьих мест» в контексте возможностей для детско-родительского общения является то, что основная деятельность в них – беседа. Такими

«третьими местами» могут стать кафе, библиотеки, коворкинги, различные творческие и культурные пространства и т.д., которые до сих пор рассматриваются в основном как пространства для молодежи и студентов (см., например, [Акулич, 2020]) и редко становятся местами межпоколенного общения.

Инструментами для инициирования и поддержания диалога между детьми и родителями в таких местах могли бы стать различные событийные практики, такие как киноклубы [Россинская, Климова, 2021; Россинская, Климова, 2023] и читательские клубы, совместная проектная, волонтерская, творческая и другая деятельность [Анисимова, 2010; Щербаков и др., 2022; Кукушкин, 2023]. Они создают условия для продуктивного (конструктивного) типа диалога, характеризующегося большим разнообразием форм совместного досуга на фоне положительных эмоций от межпоколенного общения [Кондрашова, 2018].

Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что в ходе исследования были проанализированы методом конденсации смыслов материалы 20 глубинных феноменологических интервью. Это позволило выделить три группы категорий, которые определяют коммуникации между родителями и детьми в воспоминаниях уже выросших детей: потребности, препятствия и стратегии. Наиболее значимая потребность заключается в стремлении обозначить собственную отдельность и независимость от семьи. Однако препятствием для ее реализации становится желание родителей сохранять контроль и власть над молодым взрослым. Более того, стремление к сепарации конфликтует с еще одной выделенной потребностью: в общении и внимании со стороны родителей. Этому может препятствовать отсутствие единого дискурсивного пространства со взрослыми и их буквальная неспособность говорить с ребенком «на одном языке». Отдельной сложностью становится и фигура отца, с которым часто выстроить отношения оказывается труднее, чем с матерью. Внутри последней группы категорий – «стратегии» – было выделено три группы стратегий, к которым прибегают дети. Первая предполагает шаги ребенка к выстраиванию границ между собой и родителями, вторая включает в себя заботу о родителях, а третья – стремление ребенка сблизиться и наладить контакт даже в ситуации коммуникативных затруднений.

Кроме этого, в ходе исследования было сделано несколько заключений о характере детско-родительских отношений в целом. Была установлена разница в коммуникативных ролях отца и матери в жизни ребенка, а также выявлены различия в ожиданиях у детей по отношению к

родителям в зависимости от их пола. Также стало очевидно, что потребность в установлении доверительного и безопасного общения присутствует и у родителей, и у детей, несмотря на то что она не всегда может артикулироваться или удовлетворяться. С учетом этого были сформулированы предложения по созданию возможных пространств для реализации этих потребностей и нивелирования некоторых из выявленных препятствий на пути продуктивного общения.

Литература

Абу-Талеб Д.В. Межпоколенная коммуникация и феномен затрудненного общения в контексте современного образования личности. Вестник интегративной психологии. Журнал для психологов, 2021, 22, 5–10.

Акулич М.М., Мокк Э.А. Роль «третьих мест» в коммуникациях современных студентов. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2020, 6(3), 59–78. DOI:10.21684/2411-7897-2020-6-3-59-78

Анисимова А.А. Диалог поколений: социальные практики формирования межпоколенных отношений. Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал, 2010, 6, 32–35.

Бусыгина Н.П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях. Московский психотерапевтический журнал, 2009, 2(61), 52–76.

Вдовина М.В. Специфика межпоколенных конфликтов в семье. Демографические исследования, 2010, 4, 104–112.

Егоров Р.Н., Шаповаленко И.В. Родители и взрослые дети: особенности взаимоотношений (по материалам зарубежных источников). Современная зарубежная психология, 2017, 6(2), 54–62.

Кондрашова В.О. Межпоколенный социализирующий диалог как ресурс ценностного потенциала личности ребенка. Герценовские чтения: психологические исследования в образовании, 2018, 1–2, 236–244.

Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта. Психологические исследования, 2008, 2(2). <http://psystudy.ru>

Кукушкин В.В. О создании событийного детско-родительского сообщества. Магический чемодан: методические материалы для педагогов и не только. М.: МГПУ, 2023. С. 221–237.

Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М.: Академия, 2001.

Любицкая К.А., Шакарова М.А. Коммуникация семьи и школы: ключевые особенности на современном этапе. Вопросы образования, 2018, 3, 196–215.

Мартыанова Н.А. Глубинные интервью в современной социологической методологии. В кн: Наука сегодня: проблемы и перспективы развития. Вологда: «Маркер», 2018. С. 115–117.

Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение. Мир психологии, 2017, 1, 24–37.

Мигунова Е.В. О межпоколенном конфликте взрослых и детей в современном обществе. Вестник Новгородского государственного университета, 2016, 5(96), 65–68.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988.

Ольденбург Р. [Oldenburg R.] Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Организация межпоколенного проблемно-ценностного общения детей и взрослых в форме киностречи / А. В. Щербаков, А. В. Кисляков, Н. Н. Журба, К. С. Задорин. В кн. Стратегии и ресурсы личностно-профессионального развития педагога: современное прочтение и системная практика. М.: Психологический институт РАО, 2022. С. 169–173. – DOI:10.24412/cl-36923-2022-1-169-173

Певзнер М.Н., Петряков П.А., Александрова М.В., Доница И.А. Развитие межпоколенных отношений в территориальных детско-взрослых сообществах. *Человек и образование*, 2015, 3(44), 118–122.

Пузырей А.А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники. *Вопросы методологии*, 1997, 3–4, 148–165.

Россинская А.Н., Климова Т.А. Развитие культуры переживания родителей подростков в условиях киноклуба. В кн.: *Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: Сборник трудов XIV Международной научно-практической конференции*. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. С. 118–121.

Россинская А.Н., Климова Т.А. Киноклуб родителей подростков: практики обсуждения. *Научно-педагогическое обозрение*, 2023, 4(50), 45–59. DOI:10.23951/2307-6127-2023-4-45-59

Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье. М.: Национальный книжный центр, 2014.

Сапоровская М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи. *Вестник Костромского государственного университета*. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика, 2020, 26(4), 48–54. DOI:10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54

Синявская О.В., Гладникова Е.В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями. В кн.: *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП, 2007. С. 517–544.

Татарова Л.Р. Созависимые отношения в семье. Теории, школы и концепции устойчивого развития науки в современных условиях. В кн.: *Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пермь, 27 декабря 2021 года. Часть 2*. Уфа: «ОМЕГА САЙНС», 2021. С. 178–180.

Черняева Т.И., Лосевичева Е.Б. Незавершенная сепарация: конфликт между родителями и взрослыми детьми. В кн.: *Медиация в семейном конфликте: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции*, Саратов, 19 октября 2018 года. Саратов: «Саратовский источник», 2018. С. 113–116.

Шатилов А.Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*, 2019, 27(4), 26–32. DOI:10.31171/vlast.v27i4.6581

Ali S., Khaleque A., Rohner R.P. Pancultural Gender Differences in the Relation Between Perceived Parental Acceptance and Psychological Adjustment of Children and Adult Offspring: A Meta-Analytic Review of Worldwide Research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2015, 46(8), 1059–1080.

Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 2000, 55(5), 469–480.

Bealer G. Self-consciousness. *The Philosophical Review*, 1997, 106(1), 69–117.

Bi S., Haak E.A., Gilbert L., El-Sheikh M., Keller P.S. Father attachment, father emotion expression, and children's attachment to fathers: The role of marital conflict. *Journal of Family Psychology*, 2018, 32(4), 456–465.

Clarke E.J., Preston M., Raksin J., Bengtson V.L. Types of conflicts and tensions between older parents and adult children. *The Gerontologist*, 1999, 39(3), 261–270.

Comblain C., D'Argembeau A., Van der Linden M. Phenomenal characteristics of autobiographical memories for emotional and neutral events in older and younger adults. *Experimental aging research*, 2005, 31(2), 173–189.

Karpman S.B. Fairy tales and script drama analysis. *Transactional Analysis Bulletin*, 1968, 7(26), 39–43.

Hummert M.L., Garstka T.A., Ryan E.B., Atkinson J.L. The role of age stereotypes in interpersonal communication. In: *Handbook of communication and aging research*. Routledge, 2004. pp. 91–114.

Stey P.C., Hill P.L., Lapsley D. Factor structure and psychometric properties of a brief measure of dysfunctional individuation. *Assessment*, 2014, 21(4), 452–462.

Williams A., Nussbaum J.F. *Intergenerational communication across the life span*. Routledge, 2013.

Приложение

Гайд полуструктурированного интервью

Блок 1. Информация о респонденте и его/ее семье

1. Сколько вам лет?
2. Чем вы занимаетесь— работаете, учитесь, другое?
3. Вы живете с родителями? Если нет, то живете ли вы в одном городе с родителями? Если нет, то как давно вы не живете с родителями?
4. Ваши родители живут вместе? Если нет, то как давно?
5. Расскажите о ваших отношениях с родителями. Как бы вы описали ваши отношения с родителями? С кем из родителей вы общаетесь? Общаетесь ли с кем-то из родителей больше? Меньше?

Блок 2. Темы и характер общения с родителями

1. О чем вы обычно разговариваете с родителями? Приведите, пожалуйста, примеры.
2. Есть ли у вас трудности в общении с родителями? Если да, то какие? Как вы думаете, из-за чего они возникают?
3. О чем вам неудобно или некомфортно говорить с родителями? С чем это связано?
4. О чем вы бы хотели поговорить с родителями, но не получается? С чем это связано?
5. Что бы вы хотели рассказать родителям о себе, но не получается? С чем это связано?

При проведении интервью вопросы варьировались в зависимости от ответов респондентов, поскольку проводилось полуструктурированное интервью.

Поступила в редакцию: 6 сентября 2023 г. Дата публикации: 27 февраля 2024 г.

Сведения об авторах

Иванова Анна Александровна. Старший преподаватель департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 10100 Москва, Россия.

E-mail: anna.ivanova@hse.ru

Россинская Анастасия Николаевна. Кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социокультурных образовательных практик НИИ урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, 129226 Москва, Россия.

E-mail: rossinskayaan@mgpu.ru

Ссылка для цитирования

Иванова А.А., Россинская А.Н. «Я очень сильно маму люблю»: потребности и препятствия в межпоколенном диалоге детей и родителей. Психологические исследования. 2023. Т. 16, № 92. С. 5. URL: <https://psystudy.ru>.

Адрес статьи: <https://doi.org/10.54359/ps.v16i92.1493>

Ivanova A. A.¹, Rossinskaya A. N.² «I Love My Mommy So Much»: Needs and Obstacles in Child-Parent Intergenerational Dialogue

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Moscow City University, Moscow, Russia

The article presents the findings of a study on the peculiarities of parent-child communication aimed at identifying communication issues hindering normal intergenerational dialogue between parents and their adult children (18–32 years old). The data was collected by means of in-depth phenomenological interview. Qualitative analysis of the interviews using the method of condensation of meanings revealed three key categories of meanings: children's needs, obstacles to their fulfillment, and strategies to overcome them. It was identified that the need for separation in adolescence and adulthood contradicts parents' need to maintain control over their child. Additionally, adult children continue to have a need for attention from their parents, often unmet due to parents' insufficiently developed communication competence and lack of interest in the child. At the heart of this conflict of needs is the phenomenon of the lack of a common language for communication between generations in the family, exacerbated by parents belonging to another generation not only in terms of age but also in a historical aspect. A separate issue in intergenerational dialogue is the distant nature of communication with fathers. It was also found that to overcome barriers to normal communication, children develop the following communicative strategies: self-defense strategies, strategies for taking care of parents, and strategies for establishing contact. In conclusion, the necessity of creating opportunities for safe communication between children and parents is discussed, both in urban spaces and "third places," as well as in the format of separate events.

Keywords: child-parent relationships, intergenerational communication, communication needs, communication skills, communication strategies, parents

References

Abu-Taleb D.V. Mezhpokolennaya kommunikatsiya i fenomen zatrudnennogo obshcheniya v kontekste sovremennogo obrazovaniya lichnosti. Vestnik integrativnoi psikhologii. Zhurnal dlya psikhologov, 2021, 22, 5–10. (in Russian)

Akulich M.M., Mork E.A. Rol' «tret'ikh mest» v kommunikatsiyakh sovremennykh studentov. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya, 2020, 6, 3, 59–78. DOI:10.21684/2411-7897-2020-6-3-59-78 (in Russian)

Ali S., Khaleque A., Rohner R.P. Pancultural. Gender Differences in the Relation Between Perceived Parental Acceptance and Psychological Adjustment of Children and Adult Offspring: A Meta-Analytic Review of Worldwide Research. Journal of Cross-Cultural Psychology, 2015, 46(8), 1059–1080.

Anisimova A.A. Dialog pokolenii: sotsial'nye praktiki formirovaniya mezhpokolennykh otnoshenii. Sotsial'naya pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskii zhurnal, 2010, 6, 32–35. (in Russian)

Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. American Psychologist, 2000, 55(5), 469–480.

Bealer G. Self-consciousness. The Philosophical Review, 1997, 106(1), 69–117.

Bi S., Haak E.A., Gilbert L., El-Sheikh M., Keller P.S. Father attachment, father emotion expression, and children's attachment to fathers: The role of marital conflict. Journal of Family Psychology, 2018, 32(4), 456–465.

Busygina N.P. Fenomenologicheskoe opisanie i interpretatsiya: primery analiza dannykh v kachestvennykh psihologicheskikh issledovaniyakh. Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal, 2009, 2(61), 52–76. (in Russian)

Chernyaeva T.I., Losevicheva E.B. Nezavershennaya separatsiya: konflikt mezhdru roditelyami i vzroslymi det'mi. Mediatsiya v semeinom konflikte, 2018, 113–116. (in Russian)

Clarke E.J., Preston M., Raksin J., Bengtson V.L. Types of conflicts and tensions between older parents and adult children. The Gerontologist, 1999, 39(3), 261–270.

Comblain C., D'Argembeau A., Van der Linden M. Phenomenal characteristics of autobiographical memories for emotional and neutral events in older and younger adults. *Experimental aging research*, 2005, 31(2), 173–189.

Egorov R.N., Shapovalenko I.V. Roditeli i vzroslye deti: osobennosti vzaimootnoshenii (po materialam zarubezhnykh istochnikov). *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2017, 6(2), 54–62. (in Russian)

Hummert M.L., Garstka T.A., Ryan E.B., Atkinson J.L. The role of age stereotypes in interpersonal communication. In: *Handbook of communication and aging research*. Routledge, 2004. pp. 91–114.

Karpman S.B. Fairy tales and script drama analysis. *Transactional Analysis Bulletin*, 1968, 7(26), 39–43.

Kondrashova V.O. Mezhpokolennyi sotsializiruyushchii dialog kak resurs tsennostnogo potentsiala lichnosti rebenka. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 2018, 1–2, 236–244. (in Russian)

Kryukova T.L. Molodezh' o starshem pokolenii: psikhologiya mezhpokolenного konflikta. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2008, 2(2). URL: <http://psystudy.ru> (in Russian)

Kukushkin V.V. O sozdanii sobytiinogo detsko-roditel'skogo soobshchestva. In: *Magicheskii chemo-dan: metodicheskie materialy dlya pedagogov i ne tol'ko*. Moscow: MGPU, 2023. pp. 221–237. (in Russian)

Labunskaya V. A., Mendzheritskaya Yu.A., Breus E.D. *Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika*. Korrektsiya M.: Akademiya, 2001.

Lyubitskaya K.A., Shakarova M.A. Kommunikatsiya sem'i i shkoly: klyuchevye osobennosti na sovremennom etape. *Voprosy obrazovaniya*, 2018, 3, 196–215. (in Russian)

Martsinkovskaya T.D., Poleva N.S. Pokoleniya epokhi tranzitivnosti: tsennosti, identichnost', obshchenie. *Mir psikhologii*, 2017, 1, 24–37. (in Russian)

Mart'yanova N.A. Glubinnye interv'yu v sovremennoi sotsiologicheskoi metodologii. In: Nauka segodnya: problemy i perspektivy razvitiya. Vologda: Marker, 2018. pp. 115–117. (in Russian)

Mid M. Kul'tura i mir detstva. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izd-va Nauka, 1988. (in Russian)

Migunova E.V. O mezhpokolennom konflikte vzroslykh i detej v sovremennom obshchestve. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, 5(96), 65–68. (in Russian)

Oldenburg R. Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva. [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlors, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You Through the Day]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. (in Russian)

Organizatsiya mezhpokolennogo problemno-tsennostnogo obshcheniya detei i vzroslykh v forme kinovstrechi / A. V. Shcherbakov, A. V. Kislyakov, N. N. Zhurba, K. S. Zadorin. In: Strategii i resursy lichnostno-professional'nogo razvitiya pedagoga: sovremennoe prochtenie i sistemnaya praktika. – Moskva: Psikhologicheskii institut RAO, 2022. pp. 169–173. DOI:10.24412/cl-36923-2022-1-169-173 (in Russian)

Pevzner M.N., Petrykov P.A., Alexandrova M.V., Donina I.A. Razvitie mezhpokolennykh otnoshenii v territorial'nykh detsko-vzroslykh soobshchestvakh. Chelovek i obrazovanie, 2015, 3(44), 118–122. (in Russian)

Puzyrej A.A. Manipulirovanie i majevtika: dve paradigmy psihotekhniki. Voprosy metodologii, 1997, 3–4, 148–165. (in Russian)

Rossinskaya A.N., Klimova T.A. Razvitiye kultury perezhivaniya roditeley podrostkov v usloviyakh kinokluba. In: Podrostok v megapolise. Moscow: HSE, 2021, 118–121. (in Russian)

Rossinskaya A.N., Klimova T.A. Kinoklub roditelei podrostkov: praktiki obsuzhdeniya. Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie, 2023, 4(50), 45–59. DOI:10.23951/2307-6127-2023-4-45-59 (in Russian)

Saporovskaya M.V. Psikhologiya mezhpokolennykh otnoshenii v sem'e. Moscow: Natsional'nyi Psikhologicheskie issledovaniya 2023 T 16 No. 92 <https://psystudy.ru> 29

knizhnyi tsentr, 2014. (in Russian)

Saporovskaya M.V. Mezhpokolennyj konflikt i psihologicheskoe blagopoluchie sem'i. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika, 2020, 26(4), 48–54. (in Russian)

Shatilov A.B. Pokolencheskie razryvy kak faktor rosta konfliktnosti v sovremennom rossijskom obshchestve. Vlast', 2019, 27(4), 26–32. (in Russian)

Sinyavskaya O.V., Gladnikova E.V. Vzroslye deti i ih roditeli: intensivnost' kontaktov mezhdu pokoleniyami. Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve, 2007, 517–544. (in Russian)

Stey P.C., Hill P.L., Lapsley D. Factor structure and psychometric properties of a brief measure of dysfunctional individuation. Assessment, 2014, 21(4), 452–462.

Tatarova L.R. Sozavisimye otnosheniya v sem'e. Teorii, shkoly i kontseptsii ustoichivogo razvitiya nauki v sovremennykh usloviyakh, 2021, 178–180. (in Russian)

Vdovina M. Spetsifika mezhpokolennykh konfliktov v sem'e. Demograficheskie issledovaniya, 2010, 4, 104–112. (in Russian)

Williams A., Nussbaum J.F. Intergenerational communication across the life span. Routledge, 2013.

Information about authors

Ivanova Anna Alexandrovna. Senior Lecturer at the Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: anna.ivanova@hse.ru

Rossinskaya Anastasia Nickolayevna. Doctor of Education, Senior researcher at the Laboratory of Sociocultural Practices, Research Institute of Urban Studies and Global Education, Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: rossinskayaan@mgpu.ru

For citation: Ivanova A. A., Rossinskaya A. N. «I Love My Mommy So Much»: Needs and Obstacles in Child-Parent Intergenerational Dialogue. Psikhologicheskie Issledovaniya, 2023, Vol. 16, No. 92, p. 5. <https://psystudy.ru>